Нин Сяовэнь вытащил наружу оставшийся с прошлых раз цемент и прочее. Щебень был уже готовым, так что после расчистки входа в пещеру можно было сразу замешивать раствор и устанавливать железную дверь.

Прошло еще три дня, прежде чем цемент окончательно высох. Поставив железную дверь, никто из четырех человек не стал сразу наводить порядок на площадке перед входом. Вместо этого они тщательно прибрались внутри пещеры, сложили оставшиеся дрова прямо перед железной дверью, так что та оказалась наглухо заслонена, а напоследок крепко заперли вход на замок, спустились с горы и направились вглубь горного хребта.

В день ухода из пещеры уже стояло 26 октября. Если в полдень в городе Д. максимальная температура колебалась около 20 градусов, то ночной минимум уже опускался до нуля. Люди, вернувшиеся в город по призыву правительства, все еще участвовали там в восстановительных работах, и Нин Циянь с остальными решили постараться запастись как можно большим количеством припасов до того, как ударят сильные холода.

Дичь, лесные дары, сушняк… Сколько бы ни собирали подобных вещей, лишними они не будут: поскольку других источников снабжения нет, запасы расходуются очень быстро.

Выйдя из пещеры утром, в тот же вечер четверо добрались до места, где некогда останавливались Ду Чэн и Бородач, когда ходили на охоту вместе с Ван Яном и остальными. В прошлый раз они не обращали внимания на дорогу, но теперь, поскольку Нин Циянь и Нин Сяовэнь обладали весьма посредственной физической подготовкой, Ду Чэн и Бородач сбавили шаг. У Бородача появилось больше времени, чтобы всю дорогу внимательно осматривать окрестности, благодаря чему он и заметил неподалеку четыре орешника.

Благодаря пространству Нин Цияня попутчикам не нужно было ставить палатки. Посмотрев на время — было уже около шести вечера, и небо заметно потемнело, — они решили остановиться. В последнее время световой день сильно сократился: светать начинало только около половины седьмого утра, а в семь вечера уже стояла кромешная тьма.

За весь пройденный путь Нин Циянь и Нин Сяовэнь заметно устали, так что четверо не стали возиться с вновь обнаруженными орешниками, а сразу переместились в пространство. Достав из холодильника заранее приготовленную еду и слегка разогрев ее, они поужинали, после чего оба слабака повалились на кан и мгновенно уснули. Ду Чэн же с Бородачом занялись переупорядочением уже имевшихся в пространстве вещей, стремясь высвободить как можно больше свободного места для грядущей добычи.

Насчет остального они были не уверены, но сушняка в горах по пути попадалось в избытке: даже если с дичью и лесными дарами в итоге не слишком повезет, набрать побольше дров — уже значит не зря съездить.

Ранним утром следующего дня, хорошо отдохнув за ночь, Нин Сяовэнь и Нин Циянь воспрянули духом. Наскоро перекусив пампушками с солеными овощами, они вытащили Ду Чэна и Бородача наружу из пространственного хранилища.

Четыре орешника росли неподалеку друг от друга. Три из них достигали в высоту менее двух метров, так что собирать с них плоды можно было прямо руками, а вот с последней пришлось сбивать ветки длинным шестом, чтобы орехи попадали на землю.

Разделив обязанности, Ду Чэн и Бородач принялись колотить палками по высокому дереву, тогда как Нин Циянь с Нин Сяовэнем занялись низкорослыми.

Надев плотные матерчатые перчатки, Нин Циянь аккуратно собирал лесные орехи, не пропуская ни единого. Орешки были мелкие, с одного деревца удавалось набрать от силы три-четыре цзиня, да и то вместе с зеленой кожурой. После просушки и очистки от шелухи оставалось чуть больше фунта чистых орехов.

Когда Ду Чэн с напарником почти закончили с высоким деревом и подобрали все упавшие плоды, они пришли на помощь Нин Цияню и Сяовэню. Закончив со сбором, они взглянули на часы — было уже два часа дня. Медлить было некогда, и наскоро перекусив печеньем прямо на ходу, четверо двинулись дальше вглубь леса. Бородач в свободную минуту огляделся по сторонам и пришел к выводу, что из-за возросшего числа охотников следов дичи в здешних местах почти не осталось.

Продвигаясь вперед и то и дело останавливаясь для осмотра, они шагали уже больше двух часов, пока Бородач наконец не взмахнул рукой, выбирая место для будущей охоты.

Пока совсем не стемнело, Бородач и Ду Чэн, вооружившись заранее заготовленными проволочными петлями, расставили ловушки по звериным тропам, а Нин Циянь с Нин Сяовэнем принялись искать поблизости сухостой.

— Сяовэнь-гэ, что это за плоды? Их можно есть? — с согнутой спиной закончив рубить упавшее сухое дерево, Нин Циянь постучал себя по пояснице и, подняв голову, заметил усыпанное плодами дерево. Сами плоды были немаленькими и на первый взгляд висели довольно густо.

Нин Сяовэнь, как раз тащивший срубленное дерево, подошел ближе, передал ствол Нин Цияню и проследил за его взглядом.

……

— Это грецкие орехи.

— …Грецкие? Точно так же, как те лесные орехи, прячутся внутри оболочки? — Нин Циянь похлопал глазами, жадный до новых знаний.

Нин Сяовэнь молча улыбнулся и кивнул.

Для выросшего в городе Нин Цияня, который привык иметь дело лишь с готовыми

магазинными сухофруктами, стало откровением, что до сбора урожая они покрыты толстой кожурой. Если бы они отправились в горы вдвоем с Ду Чэном, то, пожалуй, даже глядя прямо на эти деревья, ни за что не связали бы их с привычным лакомством.

Убрав сушняк в пространство, оба принялись собирать грецкие орехи.

Сначала казалось, что плодов на ветках видимо-невидимо, но на деле их оказалось не так уж много, и вскоре они обобрали все дерево целиком.

— Завтра посветлеет — поищем еще поблизости. Дикие грецкие орехи обычно растут кучно, как и лещина, вряд ли это дерево здесь одно, — произнес Нин Сяовэнь.

Нин Циянь кивнул.

Уже начинало смеркаться, и вернулись расставлявшие ловушки Ду Чэн с Бородачом. Собравшись вместе, все четверо в очередной раз нырнули в пространство.

Поскольку они несколько раз подряд не ели нормально, Нин Циянь и Нин Сяовэнь достали из морозильника кусок свиной грудинки и горсть креветок, чтобы сообразить ужин.

Ду Чэн и Бородач сначала разложили собранные за день орехи ровным слоем на цементной площадке во дворе для просушки, а затем принялись обрубать торчащие в разные стороны сучья с принесенных Нин Циянем деревьев, аккуратно складывая ровные поленницы.

Свежесрубленные стволы, даже если они выглядят сухими, перед дорогой домой лучше хорошенько проветрить и просушить, иначе при горении будет слишком много дыма.

Глава 40. Лесные дары и охота

Свинина в кисло-сладком соусе, креветки с кешью, рваная капуста в воке, овощи с соусом для макания, а в придачу тазик супа с водорослями и яйцом и полный котел риса. За столом все смели с такой скоростью, что тарелки и миски даже не пришлось толком мыть.

Наевшись от пух и прах, Нин Циянь вынес во двор небольшую миску хурмы, набранной из холодильника. Во дворе из плодовых деревьев оставались только два мандариновых дерева, причем яблоки и хурма, в норме созревающие лишь к концу октября, в благоприятном климате пространства поспели уже с наступлением месяца. Впрочем, из-за мягкого климата хранить сорванные плоды без холодильника долго не получалось — они портились за несколько дней. Поэтому часть оставляли есть свежей, а излишки убирали в холод, в то время как яблоки и сорванные ранее груши резали тонкими ломтиками и сушили. Из хурмы же Нин Сяовэнь решил сделать вяленые лепешки по старинному рецепту своей семьи.

— Нам пора бы уже оборвать мандарины, — проглотив последний кусочек хурмы, Бородач

поднялся с места, сорвал низко висящий фрукт, очистил кожуру и разделил на четыре дольки. Съев одну сам, он протянул остальные остальным.

Нин Циянь поднял голову на усыпанное оранжевыми плодами дерево и слегка нахмурился.

— Наш холодильник этого не выдержит.

Пожевав дольку и найдя вкус отменным, Бородач сорвал еще пять-шесть мандаринок. Услышав сомнения Нин Цияня, он с улыбкой пояснил:

— Самое свежее оставим поесть, а из остального сделаем варенье. Пустых банок у нас хватает, на всё хватит.

Нин Циянь подумал и кивнул. Больше всего на свете, не считая персикового компота, он любил виноградный и мандариновый.

— Интересно, есть ли в горах дикий виноград? Если найти, можно пересадить в пространство, тогда у нас всегда будет свой виноград, — помечтал вслух Нин Циянь. Почему он изначально не додумался посадить пару лоз?!

Нин Сяовэнь прыснул со смеху, да и Бородач посмотрел на Нин Цияня с полуулыбкой.

Нин Циянь удивленно посмотрел на обоих:

— Чего вы?

— Ты ел дикий виноград? — спросил Бородач.

Нин Циянь покачал головой.

— От дикого винограда аж зубы сводит от кислятины. В нашей деревне за околицей рос целый участок такого винограда, так его разве что старики собирали, чтобы домашнее вино поставить — в свежем виде его есть невозможно, — пояснил Нин Сяовэнь.

Нин Циянь проглотил мандариновую дольку и, перехватив загоревшиеся глаза Ду Чэна и Бородача, хмыкнул:

— Я помню, мы закупили уйму готового алкоголя, вам-то обязательно возиться?

Бородач отмахнулся:

— Ты ничего не понимаешь, виноградное вино домашнего приготовления — совсем другое дело.

Нин Циянь закатил глаза:

— Сперва найдите саму лозу, а там видно будет.

Немного отдохнув, Нин Циянь включил яркий фонарь во дворе. Раз мандарины полностью поспели, раз уж они только вошли в горы и работы пока немного, лучше обобрать всё разом.

Похлопотав еще какое-то время, они подчистую оборвали оба дерева. Собранные мандарины сложили в плетеные короба про запас, после чего все четверо разошлись по спальням.

На следующий день все немного проспали, и когда после завтрака они выбрались наружу из пространства, было уже около десяти часов. Бородач с Ду Чэном сперва отправились проверять вчерашние ловушки: где была добыча — забирали, где нет — сматывали проволоку. Лесных даров поблизости водилось немного, да и следы дичи попадались редко, поэтому они решили углубиться дальше в поисках более богатых мест, где можно было бы задержаться на несколько дней.

Вернувшись, мужчины принесли четырех зайцев и одну косулю, правда, все они уже были мертвы.

— Это косуля? — уточнил Нин Циянь.

Бородач и Нин Сяовэнь кивнули: среди всех четверо только они в детстве видели этих животных.

— Не ожидал, что сейчас удастся добыть такую дичь. Я лишь в детстве слышал от старого охотника из нашей деревни описание следов косули, а вчера приметил похожий отпечаток и решил поставить петлю на удачу. Не думал, что сработает.

Утолив любопытство, Нин Циянь сложил добычу в короб вместе с зайцами. Оказавшись внутри пространства, он повесил короб на вновь сколоченную во дворе вешалку, чтобы до нее не добрались гуляющие на свободе Ду Дабао, Нин Сяобао и Нин Сяобэй. Нин Циянь вовсе не желал приучать питомцев к сырому мясу: в лесу еще куда ни шло, но если в будущем они вернутся в город? Кто знает, не перенесутся ли болезнетворные бактерии от разлагающихся остатков на живых существ. Заразись малыши какой-нибудь инфекцией — и плакать придется горькими слезами.

Расположив всё по местам, четверо продолжил путь вглубь леса.

Вечером ставили ловушки, утром собирали добычу и шли дальше. Так, то продвигаясь вперед,

то останавливаясь, они провели четыре дня, пока Бородач наконец не обнаружил следы диких кабанов.

Само по себе появление кабанов в глухой тайге не было удивительным: судя по пройденному расстоянию, даже до землетрясения эти места считались глухоманью, куда редко ступала нога человека. Но, судя по размерам следов, поблизости держалось стадо взрослых кабанов численностью не меньше десятка голов.

— Давайте не будем связываться. Нам и так хватает зайцев да фазанов, которых мы ловим каждый день, а с учетом домашней живности — свиней, овец, кур и уток — еды и вовсе вдоволь. Одинокого кабана еще можно было бы одолеть, но целое стадо — это слишком рискованно, — Нин Сяовэнь попытался урезонить рвавшегося в бой Бородача. Шутки шутки, но из серьезного оружия у них на руках были только тесаки да серпы. Замахиваться на стадо кабанов — это что, жить надоело и захотелось острых ощущений?!

Точно так же поступил и Нин Циянь: он вцепился в запястье Ду Чэна, наотрез отказываясь поддерживать их затею.

Неужели они думали, что раз он вырос в городе, то ничего не понимает? При встрече со стадом кабанов даже волчья стая той же численности обращается в бегство, а эти двое вздумали соваться туда на своих двоих! Жить надоело?!

В конце концов путешественники обошли опасный участок стороной и сменили направление. Бородач всю дорогу цыкал языком, явно сожалея о сорванной охоте.

Вообще-то он и не планировал вступать в открытый бой со стадом, понимая, что вдвоем с Ду Чэном они пойдут лишь на корм свиньям. Однако можно было попытаться устроить ловлю с помощью ловушек — глядишь, одну-две туши и удалось бы добыть!

Но, видя твердое и непреклонное сопротивление любимого человека и Нин Цияня, ему пришлось отступить. Как те верно подметили, еды у них хватает с избытком, а получить ранение ради лишнего мяса было бы глупо.

Обойдя кабанье лежбище, четверо прошли еще немного, пока Бородач поклялся всеми святыми, что поблизости не осталось ни единого кабаньего следа. Только после этого Нин Циянь и Нин Сяовэнь разжали пальцы, отпустив запястья своих мужчин.

В тот же вечер, заметив, что небо начинает темнеть, Нин Циянь потащил остальных за собой прямо в пространство.

Раз рядом бродило стадо кабанов, никакой мелкой дичи в окрестностях быть не могло, так что они решили устроить себе внеплановый выходной. Сегодня ловушки ставить не будут, поищут место для охоты завтра к вечеру.

Таково было официальное заявление Нин Цияня.

Бородач только молча вздохнул, но возражать не стал. Хотя пойманную за эти дни дичь уже ощипали и выпотрошили, шкуры оставались необработанными. Время сегодня было, и до отхода ко сну они с Ду Чэном вполне успеют ими заняться.

Нин Сяовэнь проверил висевшее на просушке вяленое мясо и, убедившись, что всё в порядке, принялся освобождать от внешней кожуры собранные орехи и фундук, оставляя лишь твердые ядра.

То, что уже высохло — самые первые орехи, — отправилось на хранение, а вот плоды с шести найденных позже деревьев грецкого ореха требовалось подержать на солнце еще пару дней.

Нин Циянь в одиночку приготовил ужин и позвал троицу во двор. Поев и наведя порядок на столе, он тоже присоединился к очитке орехов.

Ду Чэн покрутил в руках кроличью шкурку:

— Эти шкуры куда толще тех, что мы добыли тогда вместе с Ван Яном.

Бородач, продолжая выскабливать мездру, кивнул:

— Еще бы! Те были совсем тоненькими, не то что нынешний подшерсток — вон какой густой, в таком точно не замерзнешь.

— Интересно, сколько шкур потребуется на четыре шубы? — бросив взгляд на слова Бородача и Ду Чэна, Нин Циянь повернулся к Нин Сяовэню.

Сяовэнь бросил взгляд на развешенные поодаль шкуры и снова склонился над орехами:

— На нас двоих на одну шубу уйдет не меньше двадцати с лишним кроличьих шкурок, а для этих двоих — и тридцати мало будет.

Нин Циянь скривился: пока что добытых ими кроликов едва хватит на одну вещь, придется продолжать охоту.

Прошла ночь. Утром, избавившись от необходимости проверять ловушки, они выбрались из пространства и продолжили путь в прежнем направлении.

— Гляньте-ка, вон та рощица — случайно не грецкие орехи? — преодолев пологий склон, они вышли к лощине, скрытой от глаз деревьями на возвышении. Обзор открывался слабый, но

зоркий Нин Циянь заметил сквозь ветви знакомые плоды.

Услышав его слова, остальные остановились. Ду Чэн придержался за ветку дерева, спустился на несколько шагов по склону вниз и нашел точку с хорошим обзором.

— Точно, грецкие орехи. Целая роща.

Глаза Нин Цияня загорелись, и он в два счета оказался рядом с Ду Чэном. Мужчина поспешно поддержал его за руку, а второй палкой принялся методично простухивать траву впереди, чтобы случайно не наступить на ядовитую змею.

С другой стороны Бородач, придерживая Нин Сяовэня, точно так же прощупывал заросли палкой. Осторожно спустившись по склону в лощину, четверо поняли, что снизу она казалась куда меньше, чем была на самом деле: только в поле зрения попадало не меньше сотни взрослых деревьев грецкого ореха вперемешку с другими породами.

— Давайте остановимся здесь на пару дней, хотя бы пока не обдерем все эти орехи, — предложил Нин Циянь.

Нин Сяовэнь кивнул. Хотя изначально они заявляли этот поход как заготовку лесных даров и охоту, реальный улов пока оказался невелик — после просушки едва ли наберется десяток цзиней в скорлупе, а чистых ядер и того меньше. Обнаружить такую плодородную рощу грецкого ореха было настоящим подарком судьбы.

Бородач с Ду Чэном не имели ничего против: возможность осесть на одном месте и как следует прочесать окрестности в поисках следов дичи была куда эффективнее беглых попыток ставить петли на ходу. Тем более что холода наступали стремительно: уже сейчас около восьми утра температура снаружи едва достигала плюс двух-трех градусов, а по ночам давным-давно стоял минус. Времени на пребывание в горах оставалось всё меньше, и им в любом случае предстояло вернуться в пещеру до того, как дневной максимум упадет ниже нуля, иначе с первыми снегопадами они просто окажутся в снежной ловушке.

Не спеша приступать к сбору и расстановке ловушек, они сперва сообща расчистили небольшую площадку для отдыха и временного складирования добычи.

Закончив с обустройством лагеря, Нин Сяовэнь и Нин Циянь, вооружившись вместительными мешками, прямиком направились к деревьям. Ду Чэн и Бородач, напротив, не спешили с охотой — они досконально обследовали всю лощину, убеждаясь, что Нин Цияню и Сяовэню ничто не угрожает во время сбора.

То ли из-за того, что в лощине микроклимат был теплее, то ли по иной причине, но здешние деревья ломились от плодов куда сильнее прежних. Днями напролет, не отвлекаясь ни на что, кроме еды, Нин Сяовэнь и Нин Циянь собирали орехи, в то время как Ду Чэн с Бородачом перешли от простой установки ловушек к активному выслеживанию и добыче крупной дичи. В

итоге их трофеями становились не только зайцы и фазаны. Рогачи и косули попадались всё чаще, а однажды, натолкнувшись у ручья на двух пятнистых оленей, мужчины решили действовать нахрапом: одна особь была крупной, судя по всему самка без рогов, а вторая — совсем молодой. Не говоря ни слова, оба бросились в атаку: опытный Бородач взял на себя крупную самку, а Ду Чэн бросился на малыша. К тому моменту, как они скрутили добычу, взрослая оленуха уже была мертва — Бородач перерезал ей горло. Обмотав рану куском хлопчатобумажной рубашки, чтобы сильный запах крови не привлек лесных хищников, они связали зверя. Меньшему оленю Ду Чэн предварительно сломал заднюю лапу, после чего надежно привязал веревкой.

Не теряя времени, они взвалили на плечи крупную тушу и поволокли вторую в лощину. Оказавшись в пространстве Нин Цияня, пока мясо еще не остыло, они принялись сдирать шкуры и спускать кровь прямо над железными бочками. Меньшего олененка пока привязали снаружи загона для овец.

Глава 41. Последний дождь перед зимой

Проведя в лощине целых восемь дней, Нин Сяовэнь и Нин Циянь наконец обобрали всю рощу грецкого ореха до последней ветки. За это время Ду Чэн с Бородачом добыли больше шестидесяти зайцев, около сорока фазанов, пять косуль, шесть оленей-рогачей, одного дикого кабана и двух пятнистых оленей, не говоря уже о двух целых деревьях боярышника и бесчисленных вязанках сухостоя для дров.

Собрав орехи, путешественники тронулись в обратный путь. На этот раз они не теряли времени на установку ловушек, спеша добраться до укрытия. Если по дороге попадались поваленные ветки, Нин Циянь даже не пытался тащить их в пространство — оно и так было забито под завязку, причем даже загоны для скота наполовину завалило дровами, которым больше нигде не находилось места.

С учетом времени на подъем и спуск их поход занял двадцать один день. Особенно тяжелым выдался последний день: воздух стал необычайно сырым, небо заволокло свинцовыми тучами, а налетевший ветер нес с собой промозглый холод — явно собирался дождь. Нин Сяовэнь заблаговременно ушел в пространство, а Нин Циянь, окончательно выбившись из сил, взобрался на спину Ду Чэну, после чего мужчины по очереди несли его до самой пещеры, успев укрыться как раз перед первыми каплями.

Оказавшись внутри и надежно заперев тяжелую дверь на замок, все трое нырнули в пространство.

Нин Циянь тут же погнал Ду Чэна и Бородача мыться: долгий марш-бросок с ношей на плечах заставил обоих пропотеть. При нынешних температурах — даже внутри пространства термометр показывал около десяти градусов тепла — недолго было и простудиться.

Нин Циянь обвел кружком 15 ноября в календаре, пометив начало этого дождя. Можно было не сомневаться, что этот ливень станет последним перед наступлением настоящих холодов.

После этого он вместе с Нин Сяовэнем принялся нарезать сваленные в пространстве стволы на одинаковые чурки, чтобы их было проще сушить и вязать в пучки. Аккуратные вязанки занимали куда меньше места, где бы их ни складировали — в пещере, на площадке или внутри хранилища.

Когда Ду Чэн и Бородач закончили мыться и сменили их у работы, Нин Циянь и Нин Сяовэнь тоже отправились приводить себя в порядок.

Этот дождь шел всего три дня, но перенести его оказалось куда труднее, чем прошлый. При околонулевой температуре холод пробирал до костей куда сильнее, чем в снежную погоду, а сырость просачивалась сквозь любую одежду.

http://bllate.org/book/18708/1808079